Текст · 21 сентября 2022, 08:40
Максим Бутченко,

«Трупы валялись по улицам. Хоронили во дворах, хоронили в парке». Житель Изюма рассказывает о полугоде оккупации

В деоккупированной части Харьковской области пока нет связи — не работают ни мобильные телефоны, ни интернет. С 31-летним жителем Изюма Антоном Чернышовым корреспондент «Медиазоны» поговорил, когда тот после освобождения родного города приехал в Харьков за грузом гуманитарной помощи. Около часа Чернышов рассказывал, о том, какие порядки установила российская армия, когда захватила Изюм, и как поспешно она потом бежала.

Я мастер в газодобычной отрасли, мы относимся к «Шебелинка-газвидобування» и дальше в Киев — НАК[1] «Нафтогаз». В лесу за чертой Изюма 32 газодобывающие скважины, которые могут часть города обеспечить газом. Пока до нас война не дошла, руководство дало задание: работаем, как будто ничего нет, для блага города.

Примерно 2 марта начались авиаудары. Разбили мой газодобычной объект, электрическую подстанцию, разбили часть города. Уже не было ни воды, ни света, ни газа. Полный мрак. Это их тактика: первым делом бить по объектам инфраструктуры. Город наш поделен рекой Северский Донец. Мосты подорвали. Я живу в частном секторе, это как пригород со стороны Харькова, а административные все здания — по ту сторону Донца. Со стороны Балаклеи, со стороны

Харькова к нам движется фронт. Выехать безопасно я уже не могу, только вплавь.

7-8 марта они уже были в городе, в нашей части. Они зашли в этот частный сектор, заехали к людям во дворы, у кого вид на гору Кременец[2] на сторону Донца, и выставили свои артиллерийские орудия.

Шесть месяцев я жил с мамой и сестрой в оккупации. На счастье, сестра смогла выехать в июле — тогда был проезд через дамбу в районе Печенегов. А мы оставались в городе.

Антон Чернышов. Фото: личный архив

Бои за город. «Тел было немеряно»

Несколько недель продолжались бои. Россияне пытались раз 10 наводить понтон через Северский Донец, чтобы переправиться на другой берег, где оборону держали украинские войска. Но понтоны разбивали, пропуская часть войск, а тех, кто зашел на подконтрольные Украине территории, выбили и снова ждали, пока они понтон соберут. Но пока они понтон собирали, не прекращали артиллерийский огонь, чтобы затруднить ВСУ возможность давать отпор. С 8 марта 19 дней они пытались форсировать реку Донец.

Пока они пытались наводить понтоны, их «снимали» прямо в воду — они любители выпить и потом

трепать языком, [так что о многом я слышал от них самих]. У нас такая тактика: им дали сделать понтон, пропустили 10-15 единиц техники, понтон сбили и уничтожили тех, кто перешел реку. То есть по чуть-чуть выманивали. Психовали они сильно, были на колоссальном нервозе.

В конце марта или первых числах апреля они смогли зайти в город. [Еще была история, что депутат городского совета] показал им село Ковалевку в изюмских лесах — там когда-то был мост, брод, там очень легко навести понтон. И тогда они там уже успешно кинули свой понтон.

На то, чтобы взять правый берег, им потребовалось примерно три недели. Они уверяли поначалу, что у них на Изюм три дня. Они взяли Изюм, но дальше была выстроена линия обороны, за которую они не прошли. Река Северский Донец дала нашим войскам время подготовить линию обороны.

А до этого бои шли прямо в городе, страдало неимоверное количество местных жителей. А так линия фронта оттеснилась в леса, поля за городом.

В то время от нашей левобережной части города, где я жил, шли выходы[3], а приходы[4] были

на Правобережье. Трупы валялись по улицам. Многие волонтеры или местные активисты потом хоронили их во дворах пятиэтажных домов, когда не было сильных обстрелов — и чтобы не было антисанитарии, и с гуманной точки зрения. Хоронили в городском парке. Тел было немеряно. Есть несколько домов, которые до фундамента были уничтожены авиаударами. Когда россияне выгребали

крепко, то от злости они вызывали авиацию, чтобы сравнять с землей наших.

2 апреля россияне зачистили Изюм и полностью взяли город.

Российские военные в Изюме. Фото: Наталия Чернышова / Медиазона

Первые недели новой власти. «Раздавали свою газету — "Изюм Z", "-Харьков Х", радио "Изюм Z"»

Электричества не было до конца мая. У людей оставались либо колодцы, либо ручные колонки. Еду готовили на дровах. Разбирали разбитые дома. У кого окраина леса, рубили деревья. Частный сектор топил дровами, поэтому эта часть дров пошла на приготовление пищи. В многоэтажках возле подъезда сооружали буржуйки, мини-печки.

Есть в округе села — я ездил в село Буденково, там брал молочку. У нас были запасы картофеля, моркови, огурцов. Мы жили впрок, поэтому у мамы всегда была куча запасов круп. Только манной крупы было примерно 10 кг. У нас народ такой — запасливый. То есть март и до Пасхи люди выживали на том, что нашли, на запасах, у кого они были.

Фото: Наталия Чернышова / Медиазона

В первые недели жили постоянно в подвале. Слышим, что тихо — вышли, распалили костер, приготовили покушать, покушали, подышали воздухом. Как только начались обстрелы — мы бегом в подвал. У меня было два аккумулятора: один с машины действующий, второй запасной. Взял с собой 12-ваттную лампочку и провел нам свет. Вечером мы на 1-2 часа включали свет. У меня в подвале жили 11 человек — соседи и моя семья.

Потом, когда они якобы уже навязали свою власть, стали ставить свою администрацию.

Власть сама вылезла. Начали появляться те, которые за «русский мир». Они пошли к военным и сказали, что хотят помочь городу. Может, их заранее готовили, может, это местные идиоты. Высокопоставленные, такие как Соколов[5], были заранее подготовлены. А

мелкие сошки, такие как начальник коммунальных служб, поверили в «русский мир» и захотели финансового благополучия или карьерного роста. Допустим, был ты обычным электромонтером. Поверил в «русский мир» и пошел к ним — тебя делают начальником службы Изюмской РЭС[6]. То

есть был никем, а тут стал начальником. Тут амбиции, жадность, алчность.

Россияне ничего не платили. У них была позиция: работа за еду. На перспективу. Они позиционировали так, что активисты и патриоты города должны работать на благо города, чтобы в него вернулась мирная жизнь, и было все хорошо. А за это они получали усиленный сухпаек раз в неделю. В этот паек входили два банки тушенки по 350 гр., банка сгущенки 380 гр., скумбрия 250 гр., 0,5 кг сахара, 1 кг гречки, полкило муки, буханка хлеба. Это на неделю. А обычным людям такой паек давали раз в месяц.

Фото: Наталия Чернышова / Медиазона

Хлеб выдавали три раза в неделю. При этом начали выдавать, когда они взяли Лиман, где находился хлебокомбинат «Чайка». К концу мая провели электроэнергию в Изюм и смогли кое-как запустить местный Изюмский хлебозавод на электропечах.

На улицах не было людей вообще. До мая люди из дома не выходили. Когда линия фронта сдвинулась, стали потихоньку выходить. Потом создали свою администрацию, открыли дорогу на Купянск, с Купянска из ЛНР возили сюда местные товары

крайне печального качества по космическим ценам — двухлитровая *Coca-Cola* стоила 190 гривен.

У меня хорошая работа, высокая должность, поэтому имел хорошие сбережения. На них и жили. И у каждого под подушкой что-то лежит. Но деньги вытянули до копейки. Такие высокие цены были для того, чтобы они пошли на «спецоперацию». Они начали гривну выбивать[7]: сначала курс был 1:2, потом 1:1,5, а с 1 сентября 1:1,25.

Фото: Наталия Чернышова / Медиазона

Они раздавали свою газету — «Изюм Z», «Харьков X», радио «Изюм Z». На наше радио поставили глушилки. Их радио три песни проиграет — и пропаганда, и так по кругу. Что Европа от нас отвернулась, оружие давать не будет. Наступательные действия русских очень эффективны. Порядка 20 000 погибших украинцев в месяц. То есть они хотят сказать, что за полгода у нас 120 000 погибших. Посмотрел, как они наступают, как они своих людей не жалеют, как они везут «двухсотых» — те просто сверху на БТР валяются.

Если бы россияне и правда были такие могущественные, как рассказывают, то за 180 дней

они на Изюмском направлении не продвинулись бы всего на 20 км [в сторону Славянска].

Обрубили все связи с общественностью — [мобильной сети и интернета не было]. Но у нас есть гора Кременец, на ней местами можно было поймать связь. Я старался раз в неделю выходить на связь. На работу отзваниваться, товарищам, а от них слышал реальные новости. Говорили, что оружие нам дают, мочим россиян, но те прут, как тараканы.

Жизнь под оккупацией. «Была нищета и голод»

Летом стало лучше. Дали свет и воду. Газа так и нет. Если верить квартальной, то в сутки для гражданских пеклось 17 000 буханок. То есть примерно 15 000 из населения в 45 000 человек оставались в Изюме.

Многие люди потратили последние сбережения и начали заниматься рынком: купил-продал. Рынок — единственное, что хоть как-то сработало. Что-то люди сами делали: пекли пирожки. Кто-то консервацию домашнюю продавал свою. Как в 1990-х была нищета и голод.

Изюм, март 2022 года. Фото: Наталия Чернышова / Медиазона

С сентября россияне пытались вводить налогообложение для тех, кто торгует на рынке.

Ничего не принеся в город, они старались еще больше из него вытянуть.

Пытались запустить систему образования, но из 10 школ остались 3. И все они побитые. Привезли бы какие-то мобильные котельни на прицепе, сделали вход и выход трубы, обвязали школу, привезли дров. Но нет, они кормили обещаниями. За это время россияне ни одного окна не вставили в Горисполкоме, где они сидели, даже пленкой не затянули — голуби летали по актовому залу и гадили на мебель.

Российских учителей не было, а были переподготовленные: любителей «русского мира» отправляли в Россию на переподготовку. Ее мог пройти физрук, учитель математики. Но ни одного человека учителя истории — русские заявили, что учителей истории привезут своих, потому что у них своя история.

Пытались организовать выплату пенсий. В итоге за полгода некоторые люди получили один раз выплату в размере 10 000 рублей, некоторым повезло дважды получить.

С лекарствами тоже проблема колоссальная. Уровень медицины на уровне каменного века. Гематому еще могут вырезать и зашить, парацетамол назначить, но если какие-то операции нужны, роды, то тогда выезжали в Купянск или даже в Россию. Жена товарища благополучно родила. Срок стоял родов в июне или июле, в разбитом Изюме рожать было нереально. Решили вывезти ее в Купянск, а может в Валуйки [в Белгородской области России] повезли.

Людей волновал один вопрос: впереди зима, что будет дальше? Россияне писали в своей пропагандистской газете, что газ будет на 90%, но ни под одной статьей нет автора.

Фото: Наталия Чернышова / Медиазона

Чистки в городе. «Паковали в УАЗ "Патриот" ФСБ, и человек исчезал»

У них были списки тех, кто был записан в тероборону, кто служил в АТО с 2014 года за весь период, сотрудники правоохранительных органов. Они захватили администдание, завладели этими списками, архивы, может, подняли. Или ФСБ их хорошо поработало. Но приезжали.

Были просто зачистки по улицам тех, кто был в теробороне или АТО. Если за чем-то был замечен человек, то его паковали в серый или черный УАЗ «Патриот» ФСБ и увозили в неизвестном направлении. Человек исчезал. Некоторые возвращались, но ничего не рассказывали. Мой двоюродный брат сказал, что знает троих людей, которых забирали, и они вернулись. Но потом они покончили с собой. Знаю, людей допрашивали и били током. Моего знакомого так забирали.

Одного парня забрали за то, что он приторговывал самогоном. Потому что это армия алкашей, они

были любители понапиваться и либо не исполняли приказы, либо плохо, либо в отказную шли. Искали, кто продавал алкоголь военным, и тоже их забирали.

Плюс к работникам инфраструктур приезжали. Ко мне приезжали: склоняли к «русскому миру», говорили, что нужно на работу выходить. Пару раз сначала приезжали военные. Меня не было дома. Когда я пересекал через пешеходный мост на другую сторону Донца, то солдаты делали перепись по паспорту людей: кто пересекает. Но у них неслаженность: какие-то отряды меня пофамильно ищут, но когда я пересекаю реку и меня записывают (там стояли «лугандонцы»[8]), то я спокойно проходил неоднократно. То ли им не доводили до ведома, что кого-то разыскивают, то ли еще что.

Россияне говорили, что в город нужно тянуть мирную жизнь. Это без газа. При том, что зима на носу. Я отказывался. Там, где мой объект [газодобычи] находится, велись боевые действия. Я мотивировал тем, что это небезопасно. Мол, война закончится, будет мир, тогда пойдем на работу. Я говорил размытыми фразами, чтобы свою жизнь не подвергать никаким рискам.

Потом приходило новое начальство коммунальных служб. Это была региональная газовая компания «Харківгаз», которая обеспечивала газом город, а теперь ее назвали «Изюмгаз» — приходила новая начальница, ее помощники. И давай меня доставать, чтобы я вышел на работу.

Зарплату не предлагали. Они позиционируют это как волонтерство, патриотизм города и людей,

которые работают на благо города, а за это получают усиленный паек — то есть работать за еду, как у пана.

Фото: Наталия Чернышова / Медиазона

Жалобы россиян. «Она не завелась. Мы на нее обиделись» (о расстрелянной машине)

У меня товарищ на рынке торговал бытовой химией. Он рассказал мне, что как-то к нему подходят трое солдат — побитые, у одного полголовы замотано. Он у них спросил, что с ними случилось. Те рассказывают, что поехал взвод из 30 человек, вернулось 12: «Хохлы повылазили и обстреляли». Чем ближе у них дембель, тем в более горячую точку их посылали. Если до дембеля месяц, то отправляют в самую гущу событий. Отказников была куча. И если боец уходит на дембель, то он уже больше не пойдет воевать. А если, например, у кого-то дембель через три месяца, то они его пока берегут.

Дембель — это у контрактников. У многих контракт заканчивается, и новые они не планируют подписывать. Говорят, что ехали заработать денег на квартиру, на ипотеку, на машину, на свадьбу. Не думаю, что они возвращались снова, отслужив три месяца. В доме, где они жили, постоянно менялись лица.

Солдаты заселялись в дома. Забирали авто. У моего товарища в его доме был штаб в первые дни войны. Он живет недалеко от реки Донец — на Луках, возле леса и ближе к лугам. Он жил у брата, у которого хороший подвал. Как-то он переночевал, пошел посмотреть на свой дом, а ночью заселились военные и сказали ему «до свидания».

Они пытались завести его «Ниву», но там не было топлива, были проблемы с зажиганием. Так россияне машину с «Калашникова» расстреляли. Товарищ спросил у них, за что они так с машиной. Дословно: «Она не завелась. Мы на нее обиделись». В марте ударили сильные морозы, до-16 ночью. Отопления, света, воды нет, так они матрасами и коврами укрывались. Запихивали в дровяной котел галетное печенье с сухпайка — пытались хоть печеньем топить. Их принцип: «Твори бардак, мы здесь проездом». Забирают машины, рисуют «Z» — и поехали.

Фото: Наталия Чернышова / Медиазона

Солдаты из России. «Нет у них никакого уважения к братьям по оружию»

Такое бесчинство было до июня. В июне появляется военная комендатура, военная полиция, ФСБ. Они начинают глубокую чистку. Потом запретили военным красть машины. Кто-то выплакал, и ему

вернули машину; кто-то опустил руки и уехал через пункт пропуска или через Россию. У меня одна машина с предприятия вообще исчезла. А мой автобус «пазик» они забрали и возили на нем персонал на хлебозавод.

После взятия Северодонецка и потом в июле Лисичанска российские войска ничего не смогли по фронту сделать. Мы понимали, что они просто сдулись: лица унылые, грязные, обиженные. К тому же там такой мусор разношерстный служит, что они друг друга не уважают. То есть Росгвардия «лугандонцев» называет мусором. Чеченцы сами по себе. Они плакали, что не могут забрать тела.

Русские тела своих воинов бросают, им все равно: родственникам привезут закрытый гроб с землей и тряпками и скажут, что там их сынок. А чеченцы — мусульмане, поэтому хотели тела получить своих братьев.

Они все паниковали, ссорились постоянно. Там был конфликт интересов. У нас была промбаза, где хранилось огромное количество средств бытовой химии и средств гигиены. Русские военные ее обворовали и начали делить кому продавать, возили в Купянск и другие регионы. У них это был бизнес, и все хотели заработать. Делили сферу интересов, кто что будет красть.

Нет у них никакого уважения к братьям по оружию. Если Росгвардию кормят хорошо, то «лугандонцы» вскрывали погреба у местных и воровали консервацию, у них все было хуже. Я видел «лугандонцев», которые стояли с винтовкой

Мосина, потертой, с кривым дулом. Это каменный век. Не каждый был толком вооружен. Полубосые, в кроссовках, летом в шлепанцах. У Росгвардии хорошая была амуниция.

Происходили и другие конфликты. Был при мне лично случай: на передовой были бои и много подбили техники русской, которая не могла даже доковылять с передовой. Они поделали ремонтные базы в автопарке. Ремонтников вызвали на передовую, чтобы они там починили, а не в боксах на базах. Им пообещали 16 000 рублей в сутки, а закрыли по 8 000. Они три дня провозились и уехали в тыл.

Россияне говорили, что у них нехватка личного состава. Говорили, что не справляются. Появлялись дыры в обороне, тогда они бегом с другого участка фронта перекидывали в эту дыру. И так перекидывали с места на место. У них колоссальная нехватка личного состава.

Фото: Наталия Чернышова / Медиазона

Бегство и освобождение. «Смотрим — исчезла военная полиция, ФСБ»

В начале июня у нас в округе было примерно 20 000 российских солдат, потому что выходишь на рынок, а там каждый второй человек — военный. По

школам, промзонам, базам было огромное средоточие техники. А потом раз прилетело так, что за один прилет выгорело полсотни техники в школе №2. Потом они поняли и стали разбрасываться по городу. Тогда их реальное количество стало сложно подсчитать. Но по Изюму их стало намного меньше примерно в июле.

24 августа на День независимости Украины они нацепили по всему городу, сколько хватило, российских флагов. До этого на своей военной технике россияне катались, а по городу их флаги особо не висели. Только на мосту и на Горисполкоме висели их флаги. А тут они начали пихать свои флаги кругом. Это называется плевок в лицо Украине.

Прошло пару дней и произошел приличный обстрел их военной комендатуры в черте города. На следующий день комендантский день, чтобы вообще никто не выходил из дома. Потом сделали, что жителям разрешили до 12 часов выехать на рынок, к родственникам заехать. Снова комендантский день. И так примерно две недели были комендантские дни. Но мы-то понимали, что это неспроста.

Россияне поснимали своих людей с некоторых блокпостов. Русские солдаты и луганские ополченцы куда-то поехали. Значит, где-то что-то происходит. Потом смотрим — исчезла военная полиция, ФСБ. Потом слышим, Балаклея взята, пошли на Шевченково, на Изюм. И всю ночь с 8 на 9 сентября по трассе техника шла — бегство. Потом 9 сентября тоже мотались туда-обратно. Мы понимали, что они часть техники выводят. А 10-го последние недобитки выехали.

Во второй половине дня уже украинский флаг на администдании висел на правосторонней части города.

Я видел на своей части города брошенный заряженный «Град», САУ, два бензовоза, две боевые машины пехоты, которые украинские солдаты затем за два часа починили и поехали своим ходом. То есть техники было брошено колоссальное количество. Бензовозы, «уралы». У кого-то топливо закончилось, у кого-то потекла гидравлика. Под этой САУ, которая стояла возле водоканала, была лужа масла. Никто не ремонтировал. Просто бросили ее — прыгнули в «КамАЗ», который ехал из города, и бегом сбежали.

Материал подготовлен при поддержке «Фонда Бориса Немцова за свободу».

Редакторы: Дмитрий Ткачев, Егор Сковорода

1. Национальная акционерная компания.

2. Возвышенность на правом берегу Северского Донца, до войны — популярная у туристов достопримечательность. Здесь находился парк

половецких каменных баб и монумент в честь 40-летия Победы. Сейчас оба памятника повреждены обстрелами.

3. То есть артиллерийские выстрелы.

4. Попадания артиллерийскими снарядами.

5. Бывший сотрудник МВД Владислав Соколов, назначенный россиянами главой военно-гражданской администрации Изюмского района.

6. Районной электрической сети.

7. То есть делали так, что держать гривны на руках стало невыгодно.

8. Мобилизованные жители самопровозглашенной ЛНР.